

Вера Русакова

16+

Опера и смерть

Вера Русакова
Опера и смерть

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Русакова В.

Опера и смерть / В. Русакова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Осенью 1874 года оперная труппа из Турина гастролирует в Англии. Гастроли приводят к неожиданным последствиям: вскрываются таинственные связи, соединяющие между собой певцов и музыкантов труппы с местными жителями, в том числе весьма далёкими от искусства. Сначала в досужих разговорах упоминается убийство младенца, затем во дворе заброшенного дома обнаруживаются два мертвых тела. Есть ли связь между этими событиями?

Вера Русакова

Опера и смерть

ОПЕРА И СМЕРТЬ

Глава 1.

В промозглый октябрьский день 1874 года в английском городе Бирмингеме оперная труппа синьора Петрича из Турина давала «Итальянку в Алжире».

Пленительная музыка Россини заполняла зал, а на сцене одно за другим следовали действия. Вот низенький толстый Мустафа (синьор Алессандро Имолезе, бас) жалуется высокому худому Али (месье Рауль Сэрму, бас) на надоевшую жену и требует привести ему пленницу-итальянку. Вот опечаленная Эльвира (мадмуазель Рубина Пернэ, сопрано) жалуется любимой служанке (мисс Элизабет Мак-Генри, сопрано) на охлаждение мужа. Вот, наконец, появляется Изабелла (синьора Тереза Ангиссола, контральто). Она расстроена: хотела разыскать возлюбленного Линдоро (синьор Роберто Кассини, тенор), а попала в плен. Вот из-за спины Изабеллы возникает простоватый, но симпатичный Таддео (синьор Амадео Амати, баритон). И закручивается круговорот событий, которым заправляет несравненная Изабелла – око этого тайфуна.

Дон Октавио Ларраньяга, которому предстоял только один, да и то безмолвный выход на сцену – в роли одного из итальянских пленников, которых Изабелла подстрекает к побегу – сидел покамест в зале и искренне наслаждался этой весёлой и в то же время возвышающей душу оперой. В перерыве он сказал жене:

– Божественно! И музыка, и исполнение, и даже роли играют прилично. Возможно, потому что многие из исполнителей по характеру и вкусам похожи на героев. Синьор Амати, например, и в жизни недотёпа.

Жена одобрительно хихикнула и добавила:

– Только синьор Роберто в роли Линдоро мне не нравится. Ты был бы лучше!

Октавио и сам так думал. Он с благодарностью взглянул на свою Лус и погладил её по руке.

После спектакля большая часть труппы ужинала в гостинице. Кто-то от ужина отказался, а синьора Ангиссола и её друзья отправились в ресторан – отмечать день рождения певицы.

За красиво сервированным столом рассаживались гости, облачённые сообразно торжественному случаю. Рубина Пернэ, черноволосая и белокожая, обладательница округлых форм и мягкой грации движений, была облачена в бордовое платье (взятое напрокат) и ожерелье из жемчуга и рубинов (своё); невысокий смуглый слуга замер за её стулом. Мисс Мак-Генри – белокурая, голубоглазая, востроносая и довольно худощавая для певицы – облеклась в лимонно-желтое платье, на шее – бархотка, слуги за спиной нет (и вообще нет). Месье Сэрму галантно поддерживал под руку свою вторую жену, синьору Джулию, урождённую Беккариа, в первом браке Тонци, главную костюмершу труппы, в лиловом платье с чёрными кружевами. Подошёл синьор Кассини, в далеко не новом костюме с ярковатым галстуком, но весёлый и привлекательный; его спутник синьор Амати, от природы имея приятную внешность и от портного – отличную одежду, всё равно выглядел несколько нелепо. Почётное место рядом с виновницей торжества (точнее, рядом с её пустующим стулом) занял сам директор – высокий худощавый мужчина с проседью в чёрных волосах, глазами чуть навывкате и славянскими скулами. Одет он был дорого и модно, на пальце – перстень с топазом.

Расселись, посмотрели друг на друга. Выдохнули. Освоились. Тишина.

Точно выбрав момент, с театральной торжественностью вышла к гостям синьора Тереза. Примадонна маленькой труппы – красивая женщина с лицом и фигурой римской статуи, украсила себя синим платьем в модном стиле «позитивизм», колье с опалами и меховым палантинном; светлые волосы были уложены просто и со вкусом. Её встретили аплодисментами и радостными возгласами.

– Спасибо, друзья, спасибо! – растроганно говорила Тереза. – Благодарю, что почтили меня своим присутствием. Не будете ли Вы возражать, если сегодня за наш стол сядет моя верная Лауретта?

Никто не возражал, и румяная от счастья горничная заняла место в конце стола.

– Английская кухня, как мы все уже имели возможность заметить, ужасна, – говорила Тереза, усаживаясь с удобством, но в ресторане этом, к счастью, повар – француз. Поэтому смею надеяться, что вы не будете совсем уж недовольны.

– Хорошая компания за плохим столом лучше, чем плохая компания за хорошим столом, – весело заметил Роберто. – А наша компания – лучшая в мире!

Присутствующие согласно рассмеялись.

– Спасибо, синьор, вы мне подсказали тост. За нашу компанию!

Дальше праздник покатился как шарик по гладкой дороге. Присутствующие с удовольствием отдыхали после трудового дня – точнее, вечера, шутили, ели и пили.

Синьор Петрич поднял тост за новорожденную и преподнёс ей подарок. Подарок понравился, тост тоже.

Месье Сэрму вспомнил шутку: рай – это место, где французы – повара, итальянцы – любовники, швейцарцы – часовщики, а организуют всё англичане. А ад – место, где англичане – повара, швейцарцы – любовники, французы – часовщики, а организуют всё итальянцы.

– Теперь я знаю, почему у нашей труппы хорошо идут дела, – фыркнула его супруга. – У нас директор не итальянец.

Петрич рассмеялся:

– Гарибальди итальянец, однако его предприятия были куда успешнее, и, главное, грандиознее моих!

Подали новую перемену блюд. Разговор на время затих. Элизабет Мак-Генри, временно прекратив насыщаться, тихо сказала своему соседу Амати:

– По-моему, такие шутки не совсем справедливы. После Рисорджерменто гений итальянцев уже не подлежит сомнению. Как я завидую вашей нации и восхищаюсь ею!

Синьор Амати не высказал ожидаемого восторга; вместо этого он покраснел и промямлил что-то неопределённое. Зато Лаура, сидевшая напротив, взглянула на визави с благодарностью.

– Как я жалею, – сказала она так же тихо, – что не родилась на несколько лет раньше! Тогда я могла бы принять участие в великих событиях, определивших облик нашей страны!

– Не только вашей страны, но и всего мира. Возможно, мои слова покажутся Вам излишне торжественными, но они искренни – множество угнетённых наций смотрят на вас и вдохновляются вашим примером.

Во главе стола тем временем разговор принял более прозаическое направление.

– Сеньор Октавио говорил мне, – просвещал соседей месье Сэрму, – что у них в Центральной Америке тоже делают вино, и представьте себе: он предпочитает это вино французскому.

– У каждого свой вкус. А у сеньора Октавио, судя по его жене, вкус... ээээ .... своеобразный.

– Не язвите, Роберто. – Тереза была в прекрасном настроении. – Она кажется, добрая женщина, а доброта не хуже красоты.

– Я бы предпочёл злую и упоительную, – улыбнулся директор, – как Мустафа-бей.

– Думаю, что злая и упоительная просто не стала бы жить с беём.

– В жизни всякое бывает, дорогой друг. Турецкий пират Хайреддин Барбаросса захватил как-то венецианский корабль, всех мужчин перебил, а женщин отправил в подарок султану. Одна из пассажирок злосчастливого корабля, юная Сесилия Верньер-Баффо, стала женой наследника престола, а потом и султаншей. Так она там правила всеми: мужем, сыном, министрами, страной. Только никто не знает, была ли она счастлива.

– О, дорогая! Счастье – странная вещь. Человек, находящийся в ужасных условиях, может чувствовать себя счастливым, а благоденствующий во дворце – страдать.

Смех прервал историко-философские рассуждения.

– Месье рассказывал про мусульманина, который жил в России и очень любил водку. Объяснял это тем, что пророк запретил пить вино, а про водку – ни слова не сказал.

– Ловко придумано!

– Вино полезно и приятно, а от крепких напитков один вред. Господин Лев Ситников говорил, что у них в России пьянство – большое горе для многих семей.

– Про Россию ничего не могу сказать, а какое дикое пьянство в Баварии – вспомнить страшно.

– А в Англии вам не страшно? Мы с сеньором Октавио и сеньорой Лус пошли гулять по Лондону и зашли в какой-то квартал... так мне показалось, что это отделение ада на Земле. Пьяные валяются на улице и пахнут так... обычно сравнивают с бочкой вина, но тут бочка вина флаконом духов бы показалась... Злоба просто в воздухе висит, лица уродливые, пропитые... Мы еле выбрались. Сеньор Октавио потом говорит: «и это самая богатая страна мира»! А я ему отвечаю: «и это нация, которая на всех смотрит свысока и всех называет дикарями»!

– К сожалению, этому пороку подвержены все британские подданные, в том числе и мои соплеменники ирландцы...

– Пьянство – ладно, а вот что злоба в воздухе висит – это вы верно подметили. Они все здесь злые и холодные...

– Они этим даже гордятся. Называют свою чёрствость и бесчувственность «жёсткой верхней губой».

– Друзья, наша беседа начинает приобретать какой-то мрачный тон! Давайте говорить о хорошем! Хотя бы о новых модах.

Глава 2.

Рассказывает Лал-баи Шринивасан, известная также как Рубина Пернэ.

День рождения синьоры Терезы прошёл замечательно, но потом у меня болела голова.

Виновата была в этом я сама, разумеется. Прекрасно знаю, что должна соблюдать меру, и всё равно выпила лишнего. На улице не валялась, конечно, но чувствовала себя плохо. Потому и вышла утром пораньше, хотела свежим воздухом подышать. Только какой там воздух – копоть и туман.

Вне сцены я носила траур, и приглашение синьоры Терезы вынудило меня взять платье напрокат. Вот утром следующего дня я пошла его возвращать. Ранвир следовал за мной, как тень.

Прогулка всё же немного помогла, голова стала болеть меньше. Возле гостиницы я встретила сеньора Октавио и сеньору Лус. Они выгуливали спаниэля. Я начала им рассказывать о дне рождения. Рассказу моему помешало появлению мистера Паркса с друзьями – мужчиной и женщиной.

Завязался общий разговор. Заметив моё состояние, женщина – полная блондинка, немного похожая на маму – посоветовала мне выпить крепкого чая. Я больше люблю кофе, но подумала: вдруг поможет?

Вскоре мы вшестером устроились за столиком в ближайшем кафе, спаниэль сидел рядом с хозяином, Ранвир стоял за спинкой моего стула. Начало разговора я пропустила, помню только, что Паркс стал меня хвалить:

– Очень нежная дочь!

Я покраснела:

– Это не моя заслуга. Такую маму, так у меня, любил бы даже дьявол.

– Эээ, милая, в наше время совсем перестали беречь семью...

– Это верно, – желчно изрёк мистер Паркс. – Вот взять, например, нашу примадонну. Сбежала из дома, прихватив все сбережения своего отца, и несчастный старик умер в нищете. А она теперь расхаживает всё в мехах и драгоценностях, и строит из себя леди!

Я возмутилась. Будь я здорова, дала бы ему весьма резкую отповедь, но тогда была просто не в силах это сделать.

– Не верю! – только и сказала. – Донна Тереза – порядочная женщина.

– Я долго, – наставительно ответила блондинка, – служила горничной в разных семьях, и убедилась в том, что многие порядочные с виду леди и джентльмены скрывают весьма непорядочные тайны. И побег от отца – ещё не худшее, что может случиться. Так уж устроено в мире, что родители любят детей обычно больше, чем дети родителей, и проявления сыновней или дочерней неблагодарности мне уже давно не удивляют. Но и родителя к детям иногда так относятся, что оторопь берёт. Один из моих хозяев, майор Рейс-Морган, своего родного сына задушил.

– Как?!

Не помню, кто издал этот возглас. Но блондинка очень обрадовалась и с мрачным удовольствием стала рассказывать:

– Я была тогда горничной у жены майора, миссис Вивьен. Она родила ребёнка, мальчика. Ночью мадам заснула, я сидела рядом с ней, как сиделка, и тоже задремала. Вошёл майор, мрачный, как туча, велел мне идти спать. Я удивилась: как раз перед тем врач велел не оставлять мадам одну. Утром вхожу. Мадам спит, ребёнок спит. Я подошла, а он не дышит и мордочка синяя. Вызвали врача. Врач посмотрел, побледнел, а потом как закричит: «кто подходил к младенцу?!» Страшно мне было, но я сказала. Врач заперся с хозяином, они поговорили, а потом объявили: младенец, мол, во сне задохнулся. Задохнуться-то он, может и задохнулся, да только не сам по себе.

Женщина передохнула и добавила:

– Мадам потом повесилась от горя, а меня уволили.

Некоторое время стояла тишина. Потом посыпались вопросы и мнения.

Мне эта история показалась неправдоподобной, но из-за головной боли я не сразу поняла, почему.

Однако гадости в адрес синьоры Терезы меня задели. Она друг моей матери и мой друг, и я пошла к ней и рассказала всё, что слышала от Паркса.

Синьора Тереза не удивилась.

– Ты знаешь, что такое шантаж?

– Да.

– Когда мы были на гастролях в моём родном городе – Лукке, Паркс узнал кое-какие сплетни, добавил к ним собственные выдумки и стал вымогать у меня деньги. Я отказалась. Вот теперь он воплощает в жизнь страшную месть: рассказывает про меня новости собственного сочинения.

Глава 2.

Рассказывает Тереза Ангиссола.

Царь Соломон носил перстень с надписью «всё проходит». Если бы ко мне каким-то образом попал этот перстень, я бы сделала дополнение: «всё проходит, но оставляет след».

Как-то получилось так, что большая часть тех бед, горестей и унижений, которые выпали на мою долю, пришлось на то время, которое принято считать самым счастливым – на отрочество и юность. Когда мне было двадцать два года, я резко изменила свою жизнь, и началась удивительно счастливая полоса. Наверное, это хорошо: лучше сначала плакать, а потом радоваться, а не наоборот. Все плохое, грязное из моей души словно ушло... Но не ушло. Осело на дно души, словно муть на дно стакана. Вода кажется чистой, но если её встряхнуть – может замутиться снова.

Писатели и художники любят изображать войну, страдания, грандиозные горести – но никто и никогда не изображал, да, наверное, и не может изобразить все мелочные, тягостные и каждодневные страдания, которые выпадают на жизнь обыкновенных людей, в особенности женщин, в кругу их семей. Попрёки, ругань, мелкие тычки, мелкие унижения не убивают разом, но терзают ежедневно и непрерывно.

Я прошла все круги этого домашнего ада. Когда у меня был хороший аппетит, меня ругали за то, что слишком много ем и ввожу семью в разоренье. Когда у меня был плохой аппетит, меня упрекали в неблагодарности – «мама готовила, а ты не ешь». Моих подруг ругали за то, что они плохо учатся – я была лучшей ученицей, и меня ругали за то, что я «синий чулок». Я любила петь – и отец орал, что я его раздражаю и мешаю отдыхать. Я молчала – и мама возмущалась, что я бука и не болтаю, «как другие девочки». Меня попрекали тем, что я родилась девочкой, а не мальчиком, что у меня слишком высокий рост, плохая фигура и ещё какие-то недостатки (всё уже не помню). Со временем выяснилось, что не так уж я и уродлива. Тогда появился страх: «дочь принесёт в подоле»! Никаких оснований для этого не было: я была скромна, не любила мальчишек и предпочитала гулять и играть с девочками, но меня стали выпускать из дома только в сопровождении матери, а когда она умерла – и вовсе заперли в четырёх стенах. Вдобавок в то время финансовые дела наши резко ухудшились, а скупость отца, всегда ему присущая, приобрела прямо-таки вселенский размах. Я не сошла с ума только потому, что любила читать, а отец мой был книготорговцем, и у нас всегда водились новые книги. Они стали моим спасением. Отец сначала молчал, потом стал возмущаться: «что ты читаешь книжки, мужа надо искать, старой девой останешься». Я спросила, как я могу найти себе мужа, сидя дома и не имея хорошей одежды – мой логичный вопрос вызвал гневные вопли, не содержавшие даже намёка на разумный ответ. Но это ещё было ничего... хуже всего оказалась история с Андреа.

Иногда мы с отцом всё же выбирались из дома, и однажды после одного из таких выходов я получила любовное письмо, вежливое и более чем пристойное. Письмо мне понравилось, я ответила – сдержанно и кратко. Мы начали переписываться. Мой корреспондент подписывался инициалом «А.» и я ничего о нём не знала. Спустя примерно полгода я почувствовала беспокойство: А. не звал меня на свидания, а его письма оставались столь же сдержанными и благопристойными, как в начале переписки. Я была неопытна в делах любви, но понимала: отношения должны развиваться, от слов надо переходить к делу. И я сама назначила ему свидание.

От родителей и вообще старших мне много приходилось слушать речей о девичей скромности, о стыдливости и сдержанности... Частица правды в этом есть, но овечья кротость хуже нахальства. Всегда, когда я пыталась быть скромной и послушной – получалась какая-то дрянь, а когда сама принимала решения и действовала – оканчивалось это, в большинстве случаев, неплохо. Так получилось и со свиданием: я узнала счастье, потом горе, а потом свободу.

Мне удалось ускользнуть из дома, и мы встретились. Его звали Андреа, и он был сыном наших соседей. Мы гуляли в рощице за пределами города – она считалась заколдованной, и суеверы её избегали, а значит, мы были в относительной безопасности. Меня это место завора-

живало. Оно было прекрасно. Мир был прекрасен. Андреа был прекрасен. Моё сердце взрослело день ото дня.

В первые наши свидания я боялась, что Андреа попытается мной овладеть – он не пытался. Потом я стала этого ждать – он бездействовал. Тогда я потребовала ласк – и увидела на лице возлюбленного бесконечное изумление. Он, оказывается, испытывал ко мне высокодуховные платонические чувства, большие и чистые, как свежевывмытый слон, и напрочь лишённые презренного вождения. «Как Петрарка к Лауре или Данте к Беатриче» = выразился мой герой. Я пожалала плечами: «о да, очень трогательно. Когда Данте познакомился с Беатриче, он был холост, а она не замужем. Они исповедовали одну веру, принадлежали к одному сословию – не было никаких препятствий, мешающих соединению. Но Данте не искал нормальной человеческой любви – он вместо этого шёл в публичный дом, валялся там с девками, а потом шёл домой и кривлялся: ах, монна Биче, как же Вы прекрасны! Ах, монна Биче, как я Вас люблю». Словно облачко нашло на лицо моего возлюбленного: «я думал, ты нежная. А ты оказалась грубой».

Мы перестали встречаться.

Я долго надеялась, что он вернётся. Он не вернулся.

И тогда я начала погружаться в пучину отчаяния.

Я думала, что умру – не покончу с собой, а просто умру, потому, что сердце моё не выдержит этой боли.

Больше года прошло, как в аду.

Я выжила.

Настроение моё изменилось – теперь я хотела не смерти, а мести.

Соседка сообщила, что Андреа собирается жениться. Я ничего не имела против его невесты, мне её даже было жалко – ведь если этот подлец относится к любви как чему-то дурному, грязному, то и к жене он будет относиться как к «сосуду греха». Хотя женщины бывают разные – возможно, она сочла бы такое отношение нормальным. Мать моя, например, была холодна и очень этим гордилась, принимая свою холодность за высокую нравственность.

Но я не могла допустить, чтобы он был счастлив и глумился над моим горем.

Отец мой был равнодушен к политике, но иногда, выгоды ради, перепродавал запрещённые книги. Я украдала у него несколько таких книг – пожаловаться в полицию отец, естественно, не мог, а его собственные поиски успеха не имели, утащила из дома несколько ценных вещей и у знакомого контрабандиста обменяла на два ядовитых памфлета, явственно «оскорблявших величество», добавила к этому два письма собственного сочинения, в меру своих каллиграфических способностей подделав почерк Андреа. Самым сложным оказалось подбросить это всё в укромное место в садике возле дома его родителей, а самым простым – донести на него святым отцам.

Кто-нибудь другой бы даже, возможно, гордился ролью «борца за свободу Италии», но Андреа был из другого теста. Месть удалась: его отец разорился на взятках, спасая сына из тюрьмы, невеста расторгла помолвку, а сам он после возвращения из тюрьмы занимался главным образом бездельем и пьянством. Его поведение добавило к моим чувствам горечь и стыд – я ведь искренне любила это ничтожество! Как сказал Сервантес: «не так сложно отдать жизнь за друга, как найти друга, за которого стоит отдать жизнь»! Насколько легче было бы мне, если бы я любила, пусть несчастливо, достойного, благородного человека!

Мои письма он, видимо, уничтожил, поэтому в полицию меня не вызывали – а я-то уже заготовила подобающую случаю речь.

Всё произошедшее имело для меня незаметные постороннему взгляду, но важные последствия: я перестала верить в бога и перестала бояться чего бы то ни было.

Следствием второго следствия, извините за каламбур, было решение изменить свою жизнь: однажды я сделала небольшой свёрток из самых необходимых вещей, стащила из кассы отца деньги и ушла из дома.

Разумеется, мне было стыдно. Но я вела хозяйство, помогала отцу в торговле и убеждала себя, что имею право на часть доходов. У него оставались дом, книги, обстановка, голод ему не грозил. Впоследствии я узнала, что отец умер спустя шесть лет после моего побега, в одиночестве, но в достатке.

Разумеется, мне было не по себя: я первый раз в жизни оставила семью, дом, родной город, оказалась совсем одна в опасном и незнакомом мире. Я шла пешком, потом села в дилижанс, потом пересела в другой дилижанс, дала по рукам попутчику, которые пытался меня обнять, и оказалась наконец на каком-то невзрачном, но более или менее приличном постоялом дворе.

– Как Ваше имя? – спросил полусонный хозяин.

– Тереза Ангиссола, – ответила я.

Глава 3

Рассказывает Элизабет Берк, известная также как Мак-Генри.

После побега из тюрьмы я бросилась домой. Матушка и сестра бросились ко мне с криком – уже не чаяли меня увидеть. Матушка похвалила меня за переодевание, принесла старую отцовскую одежду и остригла мне волосы. Я прострелила спинку старого кресла.

– Скажете, что падчерица угрожала вам оружием! Может быть, вам поверят и не будут преследовать!

Матушка гладила меня по плечу, сестра обнимала за талию. Я расцеловала обеих. Кто знает, когда мы ещё свидемся!

За небольшое вознаграждение один матрос взялся провести меня «зайцем» на корабль, шедший в Марсель. Думала, не доживу до прибытия, но дожила. Меня не поймали, и никто не догадался, что я женщина.

Потом в течение некоторого времени я работала буфетчицей на пароходе, ходившем из Марселя в Геную. Работа эта была для меня сложной главным образом из-за качки – оказалось, что её очень плохо переношу. А возможность лежать в своём номере и стонать доступна только пассажирам – а труженики моря должны работать или увольняться. Я терпела изо всех сил – нужны были деньги. Ещё, конечно, буфетчиц многие путают с проститутками, но тут я была спокойна – кто ко мне с нескромным предложением придёт, с нескромным отказом уйдёт. И пьяных я не боялась.

Однако мать божия сжалилась надо мной и послала мне помощь. Помощь эта приняла вид двух буйных игроков, которые не сошлись во мнениях относительно бриджа и перешли от слов к рукоприкладству; вскоре один из спорщиков лежал на полу с разбитой головой, а второй от страха протрезвел – у первого были богатые и знатные родственники.

– Девушка, ты того, ... скажешь, что он сам упал...

– Ложь – тяжкий грех.

– Но меня в тюрьму посадят!

Кончилось всё благополучно: первый буйан остался жив и даже поправился, второй остался на свободе, а я сошла на берег с толстым портмоне. В грехе лжи я покаялась.

Я поселилась в Генуе, в одном из пленительных и мрачных старых дворцов, которым славится этот город. Хозяева – обедневшие аристократы – жили тем, что сдавали комнаты жильцам, и соседнюю с моей занимала хорошенькая и общительная Джованна ди Капуа. Мы вместе ходили в парк, ели мороженое, она учила меня итальянскому, а я её – английскому. Некоторое понятие об итальянском у меня было и раньше – я ведь разучивала оперные арии

со своими ученицами. Джованна узнала, что труппа синьора Петрича в Турине нуждается в пополнении состава, и сказала мне:

– Поедем?

– Давай!

На родину я вернуться не могла, а Генуя или Турин – было безразлично.

Джованна получила место певицы, а я – хористки. Сначала мы с Джованной познакомились с городом вместе, потом у неё завязался роман, и я стала гулять в одиночестве. Однажды в Египетском музее встретила с синьорой Терезой. Из музея мы вышли вместе и пошли в кофейню.

До этого я с синьорой Терезой толком и не разговаривала, а она оказалась очень интересной собеседницей – умная, начитанная, с несколько парадоксальным взглядом на вещи. В тот первый раз я призналась ей, что невольно поддаюсь мрачному очарованию этих языческих статуй, что боги с кошачьими и шакальими головами кажутся мне жутковатыми, но и притягательными.

– Ну и что в этом плохого? Языческие цивилизации: греческая, римская, индийская, египетская – дали миру величайшие достижения науки, культуры, сокровища искусства и великие изобретения. Не было бы их – не было бы современной цивилизации. Когда ваш писатель Коллинз хочет противопоставить кого-то гуманным и цивилизованным англичанам кого-то дикого, он вспоминает китайцев. Народ, между прочим, создавший бумагу и порох в те времена, когда англичане ещё ходили в звериных шкурах.

Я невольно рассмеялась.

– Вы намекаете на беседу о добродетели в романе «Женщина в белом»? Если бы Фоско был реальным человеком, иностранцем, а не порождением английской фантазии – он бы нашёл что возразить на слова о гуманизме англичан! Умирающая от голода Ирландия, кости индийских ткачей вдоль дорог – вот вам ответ на сказочки о том, что «в Англии нет массовых убийств, как в Китае».

Некстати – или наоборот, кстати – вспомнила историю своей знакомой, молодой англичанки. Она была работницей на фабрике, обожгла себе руки. Чтобы вылечить ожоги и спасти руки, потратила все свои сбережения; лечил её молодой врач из хорошей семьи, они полюбили друг друга и поженились. Родня врача ополчилась на новобрачных и исторгла доктора из своих рядов; даже тётя Софи, миссис Фергюссон, не радовалась удаче племянницы, а говорила:

– Каждый сверчок знай свой шесток!

Постепенно родственники врача смирились с существованием Софи, но не упускали ни одной возможности её унижить или уколоть.

– И чем это отличается от каст у индусов? – говорила синьора Тереза.

Постепенно я сжилась с труппой, хотя дружила только с Джованной и синьорой Терезой.

Нам предстояли гастроли. Никаких дурных предчувствий у меня не было; беспокоило, правда, что в программу поездки входит Англия, но я надеялась, что меня там никто не знает.

Перед самыми гастролями умерла одна из наших певиц, молоденькая девушка – как оказалось, от аборта. Меня мороз продрал по коже – такая страшная смерть, и такой грех! За похоронами последовала свадьба: Джованна выскочила замуж так же стремительно, как выехала в Турин. Синьор Петрич ругался и просил её съездить с нами на гастроли – у него нет времени, чтобы ввести на её партии новую певицу, но Джованна была непреклонна: она оставляет сцену, причём немедленно. Синьор Стефан вызвал из траурного уединения Рубину Пернэ и прослушал хористок. Из их рядов, к собственному изумлению, была выбрана я.

– Готовьте партии Оскара, Амура, Зульмы и Джаннетты ^[1].

Потом появились коррективы: я пою Адину, потому что мадмаузель Пернэ не любит эту роль, да и горло её надо беречь. Оскар, Амур и Зульма – это немного, а вот партия Адины поглощала все мои силы – даже Париж и Лондон толком не осмотрела, разучивала.

И вот тут возник этот Паркс.

За границей я никому не рассказывала о причинах, побудивших меня покинуть Дублин. Откуда мог узнать об этом Паркс, с которым я не разговаривала вовсе – не понимаю.

Проще всего было пообещать ему денег, а потом сбежать. Мир велик, а я маленькая. Но нового удара труппа могла и не пережить, а подводить их мне хотелось. Я пообещала Парксу денег, но не сейчас, а в Эдинбурге. Эдинбург был последней точкой нашего английского турне, и там я могла исчезнуть после последнего спектакля, самостоятельно перебраться в Голландию и снова присоединиться к труппе. Счастье ещё, что Паркс был просто жадиной, а не патриот – патриот бы ждать не стал, а сразу донёс в полицию.

Однажды у меня явилась мысль обратиться за помощью к синьоре Терезе. Она могла вызвать другую певицу, которая заменила бы меня, но такая певица бы приехала не сразу. Я решила играть до конца, и на сцене, и вне её.

Синьора Тереза сама пришла ко мне.

– Наш контрабасист пытался меня шантажировать. А Вас?

Я не стала её обманывать.

– Не буду спрашивать, в чём дело – пусть это будет Вашей тайной. Я спрошу о другом – хотите ему отомстить?

Глава 4.

Рассказывает Ранвир.

Мы приехали в Карлайл в пятницу. По дороге госпожа сказала мне, что в субботу будет «Итальянка в Алжире», потом в воскресенье перерыв – здесь по закону нельзя давать в воскресенье спектакли, потом будут «Искатели жемчуга», а во вторник – отъезд. Я подумал, что лучше бы наоборот – мне нравятся «Искатели жемчуга». И музыка красивая, хотя совсем не индийская, и сюжет трогательный, хотя там всё неправда: и девственных жриц у Брахмы нет, и имена у героев мусульманские. Но у Надира такая красивая ария, а Лейла и любит, и старается сохранить верность долгу, а вождём владеют то дурные, то хорошие чувства, но в конце хорошие берут верх. Я всегда хожу на эту оперу, вспоминаю свою родину, свою любовь и плачу.

Однажды госпожа Лал-баи спросила у господина Аруна, можно ли дочери кшатрия выступить на сцене. Тот подумал и ответил:

– Великий Ману говорил, что театр служит народному просвещению. А стезя просвещения – это стезя, подобающая мужчине высокой варны. Ну и женщине, раз уж женщины сейчас работают.

Вот что значит учёный брахман – как хорошо рассудил! И ведь действительно, наши спектакли учат добру – высоким чувствам, благородным поступкам. Интересно, а господин Рейс-Морган придёт нас послушать?

«Итальянка в Алжире» тоже хорошая опера. Только главная героиня там слишком своевольная. У госпожи есть подруга, Изабелла Маттеи – та тоже своевольная.

Гостиница «Бредли» оказалась неплохой, но тесной. У госпожи был номер всего из одной комнаты, и это значило, что мне надо поселиться с кем-то из мужчин. Синьор Амати предложил – с ним. Я обрадовался: он молчаливый и он один из нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.